

Работа в зоне бедствия (Ленинаканский дневник). Часть 14. Работа и жизни

В 2018 г. исполнилось 30 лет со дня одного из наиболее трагических событий в истории нашей страны – Спитакского (Ленинаканского) землетрясения, унесшего жизни не менее 25 000 человек (по неофициальным данным, около 150 000 человек).

В январе 1989 г. автор воспоминаний – Николай Афанасьевич Самусь – из г. Волгограда был направлен в качестве технического руководителя изыскательской группы НижневолжТИСИЗ в составе экспедиции Госстроя РСФСР в зону землетрясения – г. Ленинакан (ныне г. Гюмри), где был назначен главным геологом экспедиции. Работа была чрезвычайно масштабная и столь же специфическая. Ныне почётный изыскатель СРО «АИИС» Николай Афанасьевич работает геологом-консультантом в ООО «ГеоСИМ».

В марте, апреле и мае журнал «ГеоИнфо» публикует в виде небольших заметок, выходящих по 2 раза в неделю, воспоминания Николая Афанасьевича о той работе.

В полном объёме текст воспоминаний публикуется впервые.

Самусь Николай Афанасьевич

Геолог-консультант ООО «ГеоСИМ

Samus.nikolaj@yandex.ru

9 марта. Напряжённый послепраздничный день. Ни минуты свободной. До обеда не успеваю оглянуться, не трачу зря ни минуты. Отчёты, программы, посетители, консультации... Выкраиваю время, чтобы оббежать с представителями бригад несколько объектов с «вертушкой», за день успел побывать на пяти площадках в разных концах города. Не всё ясно с тектоникой. *Сегодня же слушал одного потерпевшего – у детского сада по проулку Кутаисян. Он рассказал, что когда раскапывали рухнувший 9-этажный дом в районе «Роца», обратили*

внимание, что квартиры 6-го этажа и выше в завале оказались не под тем местом, где были в доме, а как бы «провернулись» на 180°: те, что были на востоке, оказались на западе и наоборот. Очень жалею, что не записал его имя и имена известных ему свидетелей этих раскопок. Интереснейший факт, подтверждающий моё предположение об асинхронности движения отдельных блоков по разные стороны трещин, что приводит к инерционному скручиванию зданий.

Когда я поделился этой мыслью с Г.Л. Коффом, он в дополнение привёл рассказ ещё одного свидетеля: в квартире которого пианино от «удара» оттолкнулось от стены и завращалось на середине комнаты, сделав несколько оборотов. В 2017 году я прочитал в интернете [статью](#) Karen Barseghyan «Жизнь на разломе – Армения», в которой он пишет, что подобные «вращательные силы» наблюдались также в Спитаке, Кировакане, Степанаване «и во многих других населенных пунктах». Следовательно, асинхронные горизонтальные движения соседних блоков проявляются как на поддвигаемых, так и на надвигаемых частях литосферы по разные стороны плоскости субдукции (?), при этом речь идёт не о сейсмических волнах, а о механическом перемещении оснований вместе со зданиями и сооружениями. Об этом же говорят и горизонтальные царапины на керне, поднятом из скважин при бурении туфов. И чем крепче сочленение (сцепление) здания с основанием, тем печальнее для сооружения будут последствия. Тогда зачем в «Доме Рыжкова» залили железобетонную плиту прямо на туфах, без прослойки из глины?

Сегодня получил бодрое письмо от Алёши из армии (служит в Эстонии), даже слишком бодрое, где он пишет о своём облучении, а также об участии в действиях вблизи Афганистана. Я был потрясён. Пишет: «Я тоже кое-что видел за службу. Видели раскалённые солнцем вершины гор, и наших ребят, возвращающихся «оттуда», и взлетающие боевые ракеты. Было дело, и в меня стреляли, и я стрелял. Я пишу это только потому, что всё давно уже позади...».

Уехал в Москву Л.В. Хихлуха, самый интеллигентный из «отрабатывающих» здесь замов председателя Госстроя РСФСР. Прибывший ему на замену О.С. Фоменко сегодня в обед в нашем «ресторане» №1 во время приёма пищи пытал меня по поводу протокола, подписанного позавчера в Ереване по вопросу застройки ГК 3, 7, 12 в МР 58 «Ани». Позавчера подписали, а сегодня копия уже в штабе Госстроя, и, как сказал О.С., им же интересовался В.И. Решетилов. Сегодня же Олег Сергеевич сказал, что на днях будут задания на изыскания по новым микрорайонам на «северо-западе» («Ани»).

К вечеру, когда мы проводили обследование Казачей Заставы, небо с запада заволокло черной тучей, а когда вернулись к поезду, уже после захода солнца, пошёл дождь. Не сильный, но тёплый, весенний. В городе снега не осталось.

Приметой наступающего покоя является и возвращение в город воробьёв: после землетрясения они исчезли, а сейчас появились.

10 марта. *На рассвете – слабый морозец, слегка затянуло ледком лужи, а кочки слегка покрылись инеем. В воздухе запах горного дождя, он не похож на запах дождя в городе на равнине. Днём похолодало. Подул резкий ветер с гор, но по инерции проводники сегодня, в расчёте на тепло, не протопили вагоны, и мы весь день мёрзли.*

В целом день прошёл почти бесполезно. Всего несколько консультаций, с благодарностями, «спасибо за ценную информацию», «нам стало теперь понятно» и т.п. Но сам ничего не сделал полезного, кроме проверок 5 или 6 отчётов. Распорядился завести учёт и отобрать копию отчётов для территориальной организации – Арминжспроекта. Привёл в порядок данные выполненных ранее рекогносцировочных обследований.

Возрастает ощущение бесперспективности в обеспечении экспедиции работой, безнадёжности в возможности наведения здесь порядка. Пока светила надежда, что головной проектной организацией по застройке Ленинадана будет ленинградский Гипрогор, имеющий опыт проектирования новых городов, казалось, что он сможет с перспективой обеспечить нас работой. Но 7-го на совещании И.С. Силаев заявил, что головной организацией будет Ереванпроект, а он не имеет, как мне показалось, ни достаточного опыта проектирования нового города в целом, ни готовых и перспективных кадров. А уж вопросов финансирования изысканий и тем более перспектива изысканий их не волнует. Если экспедиция развалится, второй раз собрать её будет трудно.

Э.С. Савосин принёс сообщение, что на место В.И. Решетилова назначается А.А. Бабаенко (Министр строительства СССР в районах Дальнего Востока и Забайкалья), смена произойдёт в ближайшие дни.

11 марта, суббота. Утром – небольшой ажиотаж: извлекали из ямы трактор С-130, который провалился в неё, пятась, когда планировал территорию для нашей новой базы возле поезда. Далее – относительно спокойный день, не более 10 бесед с проектировщиками. Оказывается, многие из них, обладая достаточными знаниями для принятия проектных решений, не всегда обладают достаточной решимостью. И очень бывают рады твёрдому слову или даже словесной оплеухе: понимают, что на этом заканчиваются сомнения и терзания, которые мешают им жить. В этом отношении большим мужеством и рискованым характером обладает Г.Л. Кофф, иначе, более колеблющийся человек, не осмелился бы подписать, например, документ, отменяющий необходимость трамбования оснований в кв. 58. По документу я понял, что он опирался на нашу информацию по свойствам грунтов.

Хочу сказать, что не только проектировщики иногда нуждались в поддержке. Как-то весной ко мне пришёл мужчина средних лет. Сказал, что его квартира находится в 5-этажном доме, который получил повреждения. В семье никто не погиб, но сейчас он и его семья живут в палатке во дворе дома, а в квартиру заходить боятся: вдруг рухнет. Я спросил, есть ли у него транспорт? – «Есть!» Поехали смотреть дом. К тому времени я уже насмотрелся на повреждения зданий (в этом потрескались и местами высыпались стёкла, имелись не очень опасные повреждения в стенах). Обойдя и осмотрев здание, предложил ему подняться в квартиру, чтобы посмотреть повреждения внутри. Он замялся. «Идём вместе, показывай». Поднялись, зашли в квартиру. Осмотрев небольшие повреждения штукатурки, сказал ему, что надо бы сделать, а главное – вставить стёкла и проверить, не размёрзлись ли батареи и трубы. «Настанет тепло – возвращайся, делай ремонт и живи. Поехали к поезду». Он обнял меня и с жаром сказал: «Ты – мой брат!».

Наверное, здесь можно добавить и о других случаях взаимоотношений с местными жителями. При проведении обследований я редко ходил с помощниками, чаще – один, иногда пробираясь тропами между палатками во дворах. Часто останавливали, спрашивали, что делаю, чем занимаюсь. Подробно отвечал на все

вопросы, хотя это требовало времени, которого всегда было в обрез. Но все беседы были корректными, никаких недоразумений никогда не возникало. Только один раз какой-то молодой человек из толпы на плохом русском заявил что-то о желании не знаться с русскими, но взрослые на него накинулись и на армянском что-то сказали, после чего он сразу ушёл. Иногда задавали вопросы, например, как можно стать торговцем, на что приходилось честно признаваться, что в этом ничего не понимаю, чтобы обращались к знатокам этого дела. Иногда делились своим горем в связи с гибелью близких. Запомнился один разговор на восточной окраине Спитака: мужчина примерно моего возраста рассказал, что потерял жену и шестерых детей. Голос его задрожал. Не говоря ни слова, я просто обнял его за плечи. Расставаясь, крепко пожали руки. Как относишься к людям, так и они к тебе.

Сегодня приехал А.И. Хохлов, привёз известие о предстоящем приезде сюда нашего управляющего трестом В.М. Кусмарцева в составе делегации Волгоградского облисполкома, а также рассказал о сплетнях, гуляющих по тресту в связи с нашей заработной платой здесь. Думаю, что рождает эти сплетни обычная зависть недалёких людей: они видят только наши заработки, не ведая, как мы работаем и как живём здесь.

Весь день хмурилось небо, а после захода солнца пошёл дождичек, переходящий в мокрый снег, температура около нуля. Тем временем после 9 вечера я упаковал свою дорожную сумку, собрался на побывку домой.

12 марта. Воскресенье, обычный рабочий день. С той разницей, что наряду с работой с проектировщиками и заказчиками передал все «дела» А.Д. Гревцеву из СевкавТИСИЗа (Краснодар) в связи с моим завтрашним отъездом на побывку домой (отмечать своё 50-летие), после обеда – относительное затишье, успели разбраться в рассылке отчётов Арминжпроектору и объединению «Стройизыскания».

Завтра – домой, усталость накопилась до звона в ушах.

23 марта 1989. Пролетели несколько дней пребывания в Волгограде, успел отметить юбилей, отчитаться, оформить фотостенд и выступить с лекцией, а вчера вечером – сюда. По дороге из аэропорта Звартноц – поехали в начале второго ночи по старой «турецкой» (октомберянской) дороге – пару раз блудили и один раз пробили колесо. Приехали в Лениакан в 6 утра, час я поспал – и на работу. С.А. Акинфиева и Л.Г. Кушнира не застал, они улетели вчера. За время моего отсутствия на должность главного инженера экспедиции вместо Э.А. Попова приехал Л.Б. Баранников из Нижнего Новгорода. Разговаривал предварительно с В.Г. Батуриным о возможностях и условиях дальнейшей работы, говорили о разных вещах, перешли на воспоминания, даже поговорили о пустыне Сахара.

Сегодня приезжал Г.Л. Кофф, оторвал на полдня от работ, но спокойно поговорить не успели, он куда-то уехал и не вернулся до 7 вечера.

24 марта спокойный день, закончился в 23.30. Знакомство с Юрием Николаевичем Пановым – геологом из «Стройизысканий», обсудили замечания по отчётам. Прибыло лабораторное оборудование из Москвы.

25 марта. Затишье, как перед бурей. До обеда обследовал центр города, позже – промзону Маисян. К сожалению, геофизики, потратив около 70 тысяч рублей, прозевали региональный разлом, установленный исследованиями аппаратурой «Черепаша». С помощью биолокации я его нащупал. Если удастся подтвердить, будет большая удача. До меня дошли слухи, что Г.Л. Кофф

высказался против материалов, полученных группой Ю.С. Рябоштан, и даже рекомендовал не приводить их в отчёте. Такое предложение кажется мне неприемлемым.

26 марта, воскресенье, день выборов в Верховный Совет. Всё равно день сегодня – рабочий, закончился в 23.10. Продолжили обследования площадки Маисян, выезжали с Л.Б. Баранниковым и Н.А. Васильевым. Мешал дождь. Уехал в Волгоград Е.Д. Мильшин, передал с ним письмо домой.

27 марта. День обещал быть напряжённым, так как должен был приехать Г.Л. Кофф, но я как-то с утра настроился, что его не будет и занимался своими делами. Так и случилось. Ближе к вечеру вдруг принесли пригласительные билеты на вечер в театре, посвящённый всемирному дню театра, что отмечается сегодня. Пошли с Ю.П. Семко пешком. Полный зал, в основном местная публика, но и нас, приезжих, было много. Выступил Кирилл Лавров, затем Михаил Ульянов прочитал «Микроскоп» В. Шукшина, «белые» стихи (Последнее письмо) читала Ирина Алфёрова, Вениамин Смехов прочитал три стихотворения, в том числе одно В. Высоцкого, неизвестное мне, Александр Филиппенко прочитал несколько «тормашек». Это первое культурное мероприятие здесь. Мы остались довольными. Позже вечером занимался математикой – обработкой результатов исследований свойств грунтов – до четверти одиннадцатого.

28 марта. Резко похолодало, утром замёрзли лужи, сеяла крупа, резкий холодный ветер. До обеда проверка отчёта ленинградцев по пятой зоне восстановления города, попутно с их геологом Н.М. Мокашовой обсудили проблему происхождения «термальных» вод в котловане недалеко от нашего поезда для строительства одного из цехов ЖБИ. Рассказывают, что температура воды в приямках около 45°, она высказала предположение, нет ли здесь глубинного горячего газопроявления. Я отнёсся к этому скептически, выразив мнение, что где-то рядом теплотрасса даёт утечку, поскольку до этого в районе Лениначана термальные воды раньше не проявлялись. Велико же было моё удовлетворение, когда после обеда, взглянув в окно вагона, противоположное от котлована, я увидел в холодном воздухе пар у стены корпуса из разорванной трубы теплотрассы.

Но ещё большее удовлетворение получил, когда после 23 зашёл в камералку, чтобы соединить полученные днём точки биолокационных наблюдений по площадке «Маисян», и выяснил, что один из разломов смещён, а параллельно главному, выявленному «Черепухой», есть ещё один. Этим вечером Ю.П. Семко привёз из Арминжпроекта скопированную на кальку, а затем размноженную на аммиачке «карту разломов» на территории Армении масштаба примерно 1:200000, подаренную Армгосстрою кем-то из иностранцев. На ней я увидел все те разломы, положение которых сегодня установил биолокацией, бегая с проволокой по площадке. Обсуждая эту новость, Л.Б. Баранников предложил написать статью в журнал «Инженерная геология», о чём и я раньше думал. Такие совпадения уже нельзя назвать случайными.

29 марта. Сегодня сильно ощущалось окончание квартала, завершение сроков по отдельным объектам. С 8 утра и до обеда не мог подняться из-за стола, работал с геологами по объектам, не могу точно сказать, сколько проверил за день: 5? 7?. Спасает в значительной мере стандартизация, однообразие изложения, которые в своё время удалось мне в предельно сжатой форме заложить в макет отчёта. Помогают Н.А. Васильев из Ленинграда и Г.В. Арский из Владивостока.

Сразу после обеда по предложению московского гидролога Г.И. Адамяна мы с Ю.П. Семко, Л.Б. Баранниковым и А.Ю. Плаксиным из Тулы поехали смотреть озеро, которое, по словам Адамяна, образовалось в результате землетрясения вблизи от села Мармашен. Озеро нашли (с зарослями прошлогоднего камыша, то есть – не «новое»), нашли и гигантский каньон «тектонического происхождения» недалеко от уступа к долине речки Ахурян. Я обежал гряды холмов этой странной и жуткой структуры со своей вертушкой и сделал несколько фото (рис. 1). Когда догнал всех у «провального» озера, меня встретили вопросом, что я думаю об этих следах катаклизма. Ответил одним словом: «Оползень». Ответ был встречен протестами, сомнениями со стороны Г.И. Адамяна и Л.Б. Баранникова. «Ничего, уляжется» – ответил я. Через час они согласились.

Тем временем мы спустились в долину реки Ахурян к старинному монастырю, где сохранилось две церкви постройки 988 и 989 гг., правда, более крупная во время этого землетрясения пострадала: стоит на трещине, вдоль которой стены были сломаны, но не упали (рис. 2). Обидно: ведь простояли 1000 лет. После 1920 года церкви не действуют, запустение кругом, на стенах появились надписи и краской, и резцом, отметившие нашествие современных варваров армянской и русской национальностей. В меньшей церкви, куда мы зашли с Г.И. Адамяном, состоялся короткий, но откровенный разговор о религии и вере человека, необходимости сверять свои деяния и поступки с историей и жизнью своего народа.

Рис. 1. На фоне трещины отрыва древнего реологического оползня в Мармашене. Следов свежих подвижек нет

Рис. 2. Развалины монастыря Мармашен

В 16 в театре опять состоялось обсуждение генплана развития города, но я не пошёл в предчувствии, что большинство, может, самого интересного будет сказано на армянском языке. Как оказалось, так и было.

Уже почти вечером завершил обследование площадки «Маисян», нашёл все разломы, показанные на «иностранной» карте. Правда, не успел завершить составление карты и текста для отчёта. Кроме ежедневной беготни устроил себе вечером банный день, а затем уснул в 10 вечера и проспал до полуночи, после чего сделал записи.